Кришна Пал (Индия)

ЖАНРОВО-КОМПОЗИЦИОННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ АФАНАСИЯ НИКИТИНА

Все литературоведы, занимавшиеся историей и теорией жанра путевых записок, определяли «Хождение за три моря» Афанасия Никитина как «торговое», «купеческое», «коммерческое» хождение. Наиболее детальную жанровую характеристику этого памятника дал профессор Н.И.Прокофьев, охарактеризовав его как «купеческое» хождение и выделив основные признаки этой жанровой разновидности: преобладание светского начала над религиозным, яркое проявление в тексте купеческих интересов и склонностей рассказчика, его личности, энциклопедизм интересов автора, поразительная национальная и конфессиональная терпимость и уважительное отношение к людям и обычаям других стран[1]. Наблюдения известного исследователя путевой литературы русского средневековья верно отражают специфику этой жанровой формы. Основываясь на его работах в этой области, мы попытаемся охарактеризовать жанрово-композиционное своеобразие «Хождения за три моря».

Путевые записки строятся из разных типов очерков, и преобладание того или иного типа во многом определяет специфику жанровой природы произведения. В основе хождений лежит путевой очерк, где рассказывается о передвижении путешественника из одного пункта в другой. «А ис Июнеря есмя вышли на Оспожин день к Бедерю, к болшему их граду. А шли есмя месяць до Бедеря; а от Бедеря до Кулонкеря 5 дни; а от Кулонгеря до Кольбергу 5 дни. Промежу тех великих градов много городов; на всяк день по три городы, а ино и по четыре городы; колко ковов, толко градов. От Иовиля до Чунеря 20 ковов, а от Июнеря до Бедеря 40 ковов, а от Бедеря до Кулонгеря 9 ковов»[2] (8). Путевой очерк строился как описание движения путешественника в пространстве и времени с обязательной фиксацией его положения относительно заданной географической точки или заданного времени[3]. Очерк этого типа обычно содержал указание на маршрут движения, расстояние между населенными пунктами в «туземных» или русских мерах длины, время, за которое был совершен переход или переезд из одного места в другое («до Силяна 2 месяца итти морем, а до

Келекота месяц итти»). Кроме того, в нем указывалось на способ передвижения (пешком, верхом, в повозке, в лодке и т.п.), характер дороги («морем все то хожение», «итти сухом», «сквозе градо дорога», «пришла гора велика и деберь зла»), на специфические условия пути («ветр нас стречает злый, не дасть нам по морю ходити»), на места остановок для отдыха («а в Гурмызе был есми месяць»).

Как православный христианин, Афанасий Никитин даже в среде иноверцев (мусульман, индуистов, язычников) пытался определять время в привычной для русских системе, ссылаясь на религиозные праздники православной церкви: «Пришел еси в Гурмыз за четыре недели до Велика дни» (6); «В Ындейской земли... зима... стала с Троицына дни» (7); «Ис Июнеря есмя вышли на Оспожин день» (8); «Весна же у них стала с Покрова святыа Богородица» (9).

В отличие от паломнических хождений, в которых был широко распространен пространственно-топографический очерк с описанием священных для христиан городов (Иерусалим, Константинополь, Киев), «индийское» хождение Афанасия Никитина фактически лишено этого типа очерка. Исключение составляет рассказ Никитина о городе Джуннар: «Чунерей же град есть на острову на каменном, не оделан ничем, Богом сотворен. А ходят на гору день по одному человеку: дорога тесна, а двема пройти нелзе» (7). Как отмечал Прокофьев, все писатели, создавая топографический очерк о какомлибо городе, давали обязательную привязку к местности (реке, перекрестку дорог, памятному историческому месту и т.п.)[4]. В данном случае речь идет о цитадели, расположенной на скале к юговостоку от современного города, где в древности была ставка полководца Асад-хана. Невнимание Никитина к пространственно-топографическому очерку объясняется не эстетической, а религиозной причиной: города, которые он посещал,— центры магометанской и индуистской культур.

Светские интересы путешественника сказались в том, что он подробно описывает вооружение, стратегию и тактику, структуру индийских войск, их полководцев. Описание города Виджаянагар на реке Тунгабхарда строится, например, как военно-топографический очерк: «А индийский же салтан Кадам велми силен и рати у него много. А сидит в горе в Биченегере, а град же его велми велик. Около его три ровы, да сквозе его река течет. А с одну страну его женгель злый, а з другую страну пришол долъ и чюдна места велми, угодна все. На одну же страну прийти некуды, сквозе градо дорога, а града же взяти некуды...»(16). По сообщению Абд-ар Раззака Самарканди, побывавшего в этом городе в 1442—1443 годах, он был расположен на склоне горы и окружен несколькими рядами стен. На подступах к крепости были врыты огромные камни в рост человека. Протяженность стен составляла двенадцать верст, в них

было девять ворот. В центре укрепленного района находилась цитадель, а в ней — дворец раджи. Город охранял гарнизон в двенадцать тысяч воинов[5]. Существует мнение, что Афанасий Никитин побывал в этом городе и сделал зарисовки с натуры. Путешественник со знанием дела описал оборонительные сооружения города, высоту стен и глубину рвов, устройство ворот и башен. Профессиональное с военной точки зрения описание города-крепости в «Хождении за три моря» не противоречит тому, что автор этого произведения был купцом. В средние века торговый человек должен был быть и хорошим воином, охраняя свой товар во время путешествия. Из рассказа Никитина мы знаем, что русские купцы, чей корабль в устье Волги штурмовали татары, застрелили из луков двух нападавших.

Русского путешественника-писателя особо заинтересовало тяжелое вооружение индийской армии — боевые слоны, к рассказу о которых он возвращается дважды в «бидарских» очерках: «Выехал султан... ино с ним... триста слонов наряженых в доспесех булатных да з городки, да и городкы окованы. Да в городкех по 6 человек в доспесех, да и с пушками, да и с пищалми, а на великом слоне по 12 человекъ. Да на всяком по два проборца великых, да к зубам повязаны великые мечи по кентарю, да к рылу привязаны великыа железныа гири. Да человекъ седит в доспесе промежу ушей, да крюк у него железной великой, да тем его правят» (13).

Афанасий Никитин может считаться одним из первых представителей русской военной статистики. В его военно-топографических очерках много статистических выкладок, что было характерно, например, для русских военно-исторических журналов второй половины XIX в. «Султан выехал из града Бедеря,— пишет Никитин.— Да с нимь возырев выехало 26 возырев; 20 возыревъ бесерьменьских, а 6 возыревъ индийских. А с султаном двора его выехало сто тысяч рати своей конных людей, а двесте тысяч пеших, да 300 слонов з городки да в доспесех, да сто лютых зверей на двою чепехъ. А з братом салтановымь вышло двора его 100 тысяч пеших людей да 100 слонов наряженых в доспесех. А за Малханом вышло двора его 20 тысяч конныхъ, а пеших 60 тысяч, да 20 слонов наряженых. А з Бездеханом вышло 30 тысяч конных и з братом, да пеших сто тысяч, да слонов 25 наряженых с городки. А с Сулханом вышло двора его 10 тысяч конных, а пеших 20 тысяч, да 10 слонов з городки. А с Возыр-ханом вышло 15 тысяч конных людей, да пеших 30 тысяч, да 15 слонов наряженых. А с Кутовалханом вышло двора его 15 тысяч конных да пеших 40 тысяч, да 10 слонов. А со всяким возырем по 10 тысяч, а с ыным 15 тысяч конных, а пеших 20 тысяч» (15). При кажущемся преувеличении военных сил Индии, которое возникает при чтении этого отрывка,

историки считают, что Афанасий Никитин реально оценивал военную мощь государства Бахманидов[6].

Для военно-статистического очерка характерны перечислительные интонации, попытка связать количественные показатели армии с качественной ее оценкой, выделение наиболее существенных в военном отношении признаков: наличие боевых слонов, конницы, пехоты, «лютых зверей» (гепардов). В очерке указано на число визирей, отправившихся в поход, причем в сознании путешественника они четко делятся на «бесерменских» и «индийских». Афанасий Никитин подробно описал военные силы не только бахманидского султана Мухашеда III, но и его вассалов: Мал-хана, Бездер-хана, Сул-хана, Возыр-хана, Кутовал-хана. Возможно, эти статистические выкладки в тексте «Хождения за три моря» явились результатом воздействия на него «Сказания об Индийском царстве», герой которого царь Иоанн рассказывал: «А обедають со мною на трапезе по вся дни 12 патриархов, 10 царей, 12 митрополитов, 45 протопопов, 300 попов, 100 диаконов, 50 певцев, 900 крилосников, 365 игуменов, 300 князей; а во зборной моей церкви служать 300 игуменов да 65, да 50 попов, да 30 диаконов, и обедають со мною; а столничають у мене и чаши подають 14 царей да 40 королей, да 300 боляр; а поварню мою ведають два царя да два короля опроче боляр и слуг»[7].

Достаточно большое место в тексте «Хождения» занимает этнографический очерк, связанный с колоритными описаниями индийских обычаев, обрядов, поверий. Этнограф С.Токарев писал об этом литературном памятнике: «"Хождение" Афанасия Никитина необычайно богато этнографическим материалом, который почти весь относится именно к Индии»[8]. Несмотря на отсутствие систематичности в изложении материала, можно выделить круг этнографических проблем, особо интересовавших русского путешественника: одежда и украшения аристократии и простолюдинов в дождливый и засушливый сезоны, торжественные выезды султана и его приближенных, пища и напитки, жилища и бытовая утварь, семейно-брачные и родственные отношения. Типичным этнографическим очерком является в «Хождении за три моря» описание индийцев, увиденных русским путешественником в городе Чаул: «Люди ходят все наги, а голова не покрыта, а груди голы, а власы в одну косу заплетены, а все ходят брюхаты, а дети родятся на всякый год, а детей у них много. А мужики и жонкы все нагы, а все черны... А князь их фота на голове, а другая на гузне; а бояре у них — фота на плеще, а другаа на гузне, княини ходят фота на плеще обогнута, а другаа на гузне. А слуги княжие и боярьские — фота на гузне обогнута, да щит, да меч в руках, а иные с сулицами, а иные с ножи, а иные с саблями, а иные с луки и стрелами; все наги да босы, да болкаты, а волосовъ не бреют. А жонки ходят голова не

покрыта, а сосцы голы; а паропки да девочки ходят наги до семи лет сором не покрыт» (7). Данный этнографический очерк распадается на три части: характеристика внешних расовых признаков индийцев; рассказ об одежде индийских правителей и их слуг; повествование о внешности женщин и детей. Писатель не раз вернется к этой теме, однако нигде он не сделает эмоциональных выводов из описанного, кроме сожаления по поводу тяжелой доли «низов» индийского общества. Он создает очерк скорее как ученый-этнограф, а не как писатель, поэтому его описания увиденного лишены, как правило, субъективной оценочности, документальны по стилю.

С этнографическим очерком тесно связан другой тип — религиозно-этнографический очерк, также представленный в произведении Никитина. В Бидаре, где долго жил русский путешественник, господствовали мусульмане, но их религиозные верования подробно не описаны, ибо они не были новыми для Афанасия Никитина: с исламом он познакомился во время торговых поездок по мусульманскому Востоку. Русскому купцу пришлись не по нраву попытки исламистов насильственно обратить его в их веру. Индуисты, их вероисповедание, нравы и обычаи больше занимали Афанасия Никитина. «В Бедери,— пишет он,— познася со многыми индеяны и сказах им веру свою, что есми не бесерменинъ... есмъ християнинъ, а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя хозя Исуфъ Хоросани, И они же учалися от меня крыти ни о чемъ, ни о естве, ни о торговле, ни о манаву, ни о иных вещех, ни жонъ своих не учали крыти» (22—23). Расспрашивая их о религии, Афанасий узнал, что в Индии множество сект и кастовых культов: «А веръ въ Индеи всех 80 и 4 веры, а все веруют в бута, а вера с верою ни пиеть, ни ясть, ни женится... а воловины не ядять никакая вера» (23). Никитин подробно описал ежегодно отмечаемый в феврале-марте праздник в честь бога Шивы, а также внутренний вид святилища, скульптурные изображения богов, одежду паломников-индуистов, их обычай сбривать волосы перед посещением храма, особенности молитвы в «бутхане», обряд похорон и т.п.

Близок к этнографическому очерку очерк нравоописательный. В отличие от паломнических хождений, где этическим проблемам уделялось мало места, в произведении Афанасия Никитина нравоописательные зарисовки Индии представлены широко[9]. Семейный уклад жизни индийцев русскому путешественнику не понравился. Ему было странно видеть обычай гостеприимного гетеризма, свободу в общении мужчин и женщин. «В Ындейской земли,— пишет он,— гости ся ставят по подворьем, а ести варят на гости господарыни, а постелю стелют на гости господарыни и спят с гостми... А жоны... дают им алафу, да приносят с собой ества сахарную, да вино сахарное, да кормят да поят гостей, чтобы ее любил, а любят гостей людей белых, занеже их люди черны велми. А у которые

жены от гостя зачнется дитя, и мужи дают алафу; а родится дитя бело, ино гостю пошлины 300 тенек» (12). Русский путешественник делает вывод, что безнравственность в человеческих отношениях может привести к преступлениям на религиозной и политической почве, в результате чего «злоден де тати... осподарев морят зелием» (8).

Произведение Афанасия Никитина относится к разряду «купеческих» хождений, поэтому в нем появляется новый тип очерка — торгово-экономический[10]. Писатель-путешественник подробно перечисляет основные товары, цены, денежные курсы стран, где он побывал, указывает на наличие рынков и оптовых складов, караванных путей, дает характеристику морских портов и купеческих кораблей. Особо он отмечает причины сложности плавания в южных морях; неустойчивость судов, пиратство, муссонные ветры, опасность приплыть к «варварской земле» и т.п. Русский купец посетил самую знаменитую ярмарку юго-западной Индии в городе Аланд, где в октябре происходила торговля лошадьми: «На год един базаръ, съезжается вся страна Индийская торговати, да торгуют 10 дни... Приводят кони, до 20 тысящ коней продавати, всякый товар свозят» (8). С грустью Никитин заметил, что «на Рускую землю товару нет» (8).

В «Хождении за три моря» в эмбриональном виде присутствует и натурфилософский очерк, тип которого был знаком русскому средневековому человеку по славянскому «Физиологу», «Шестодневцу» и составленным на их основе латинским «Бестиариям». Наиболее интересно описание кабарги, или мускусного оленя, пахучее вещество которого было предметом оживленной торговли между Индией и мусульманским Востоком: «А у оленей кормленых режут пупки, а в нем мскус родится; а дикие олени пупкы из собя роняют по лесу, ино ис тех воня выходит, да и сь есть тот не свеж» (12). Это описание очень напоминает рассказы об индийских раритетах Космы Индикоплова: «Малое же животное есть мускус... Гоняше же его, стреляют и совокупившуюся кровь о пупе, завязавше, отрежут. Се бо часть его благоуханная, се есть нами глаголемый мускус»[11].

Влажный тропический климат Индии, сезонное изменение погоды, чередование засушливых жарких периодов с проливными муссонными дождями стали предметом описания в «метеорологических» очерках «Хождения». Афанасий Никитин со знанием дела рассказывает о специфике климата Индостанского полуострова и близлежащих земель: «В Гундустани же силнаго вару нет. Силенъ варъ в Гурмызе... А в Хоросанской земле варно, да не таковго... А в Кашине варно, да ветръ бывает. А в Гиляи душно велми да парище лихо, да в Шемахее пар лих... Весна же у них стала с Покрова святыа Богородица. А весну дрьжат 3 месяцы, а лето 3

месяца, а зиму 3 месяцы... А зимовали есмя в Чюнере, жили есмя два месяца. Ежедень и нощь 4 месяцы всюда вода да грязь» (7, 9, 12). Естественно, что погодные наблюдения Афанасия Никитина занимают почетное место в истории становления русской метеорологии[12].

В тексте «Хождения» встречаются три автобиографических очерка, которые Н.С.Трубецкой называл «религиозно-лирическими отступлениями», раскрывающими психологическое состояние православного человека, лишенного возможности открыто отправлять свой культ в иноверческой среде[13]. В апреле 1472 года в Бидаре купец соблюдал Великий пост и праздновал Пасху, однако он не был уверен в правильности своих вычислений времени этого церковного праздника. Эта мысль мучала Афанасия Никитина, что отразилось в горечи его слов: «О благовернии русстии кристьяне! Иже кто по многим землям много плавает, во многия беды впадают и веры ся да лишают кристьяньские. Аз же, рабище Божий Афонасий, сжалихся по вере кристьянской. Уже проидоша 4 великия говейна и 4 проидоша Великыя дни, аз же, грешный, не ведаю, что есть Велик день или говейно, ни Рождества Христова не знаю, ни иных праздников не ведаю, ни среды, ни пятницы не ведаю — а книг у меня нету. Коли мя пограбили, ини книги взяли у меня. Азъ же от многия беды поидох до Индея... ту же много плаках по вере кристьяньской» (12—13).

С автобиографическим началом в «Хождении за три моря» связаны импровизированные молитвы, которые открывают и завершают произведение, а также оформленные в виде обращения к Богу лирические размышления героя, попавшего в трудное положение. После того как его в очередной раз пытались склонить к принятию мусульманской веры, Никитин впадает в «многыя помышления»: «Господи! Призри на мя и помилуй мя, яко твое есмь созданне; не отврати мя, Господи, от пути истиннаго, настави мя, Господи, на путь правый, яко некоея же добродетели в пути тъи не сътворих тобе, Господи Боже мой, яко дни своя преплых во зле все... Господи Боже мой, на тя уповах, спаси мя, Господи Боже мой!» (13). В этом типе очерка господствует не информативная, а лирическая стихия, изображаются внутренний мир героя, чувства и мысли русского человека.

Кроме собственно очерковых произведений, «Хождение за три моря» содержит ряд других первичных жанров. Форма летописной статьи, которой воспользовался Никитин, явно навеяна знакомством автора с историческими сочинениями и хрониками средневековья: «Меликту-чар два города взял индийских, что разбивали по морю Индийскому. А князей поимал семь да казну их взял, юкъ яхонтов, да юкь алмазу, да кирпуков, да сто юков товару дорогово, а иного товару бесчислено рать взяла. А стоял под городом два

года, а рати с ним двесте тысячь, да слонов сто, да 300 верблюдов» (14). В этой заметке повествуется о войне 1469—1472 годов, которую Бахманидский султанат вел со своими соседями. Предводитель бахманидов Махмуд Гаван взял штурмом прибрежные города Гоа и Сангамешвар в феврале 1472 года. Как и в летописях, в этой заметке изложены в краткой форме причины войны (пиратство на море), дана количественная характеристика войск, выступивших в поход (200 тысяч воинов, 10 слонов, 300 верблюдов), рассказано о ходе военных действий (осада продолжалась два года), определены полученные трофеи. Лирических отступлений и авторских комментариев здесь, как в летописи, нет.

Элементы воинской повести можно обнаружить в рассказе о прорыве засады купеческими кораблями около Астрахани, погоне за беглецами татар, перестрелке и грабеже севших на мель судов. Как было принято в воинских повестях, Никитин рассказал о мерах предосторожности с обеих сторон (русские купцы направили суда не по центральному протоку, а по боковому ответвлению от рукава реки Ахтубы речке Бузан, а татары выставили дозоры на всех протоках), об успешной золотоордынской разведке, выяснившей маршрут движения кораблей, о работе ханских лазутчиков, которые обманули купцов: взяли плату за тайную проводку кораблей мимо Астрахани, а в это же время послали «весть хазтараханскому царю». Афанасий Никитин сообщал о месте и времени боя («настигли нас на Богуне», «месяц светит и царь нас видел»), о результатах военной операции («судно наше пограбили, а нас отпустили голыми головами за море»).

Отдельные мотивы, идущие в «Хождении» от жанра статейного списка, видны в описании переговоров с шемахинскими князьями об освобождении из плена русских купцов[14]. Как и в посольских документах, Никитин подробно перечисляет титулы восточных князей, фиксирует ход дипломатической переписки, определяет роль в этом деле русского посла Василия Папина. В руках Афанасия Никитина, возможно, находилась грамота ширваншаха Фаррух Ясара к князю Халилбеку, фрагмент которой он приводит в своей книге: «Судно мое разбило под Тархы, и твои люди, пришед, людей поимали, а товаръ их пограбили; и ты бы мене деля люди ко мне прислалъ и товаръ их собралъ, а что тобе будет надобе тобе у меня, и ты ко мне пришли, и язъ тобе, своему брату, за то не стою, и ты бы их отпустилъ добро волно меня деля» (19).

В форме греческого экфрасиса (описания) выполнен у Никитина рассказ о статуе бога Шивы и его спутника бычка Нанди: «В бухане же бут вырезан ис камени ис чернаго, велми великъ, да хвостъ у него черев него, да руку правую поднялъ высоко да простеръ ее аки Устенеянъ царъ Цареградский, а в левой руце у него копие. А на нем нет ничего, а гузно у него обязано ширинкою, а

видение обезьяннио. А иные буты нагы... а жонки бутовы нагы вырезаны и с соромом, и з детми. А перед бутом же стоит волъ велми велик, а вырезан ис камени ис черпаго, а весь позолочен. А целуют его в копыто, а сыплют на него цветы» (10). Экфрасисы были популярны в византийской и древнерусской литературах. Афанасий Никитин сравнил изображение Шивы со статуей византийского императора Юстиниана I (527–567 гг.), стоявшей около Ипподрома в Константинополе до его завоевания турками[15]. Возможно, купец бывал в Константинополе и сам видел знаменитую статую императора. Для экфрасиса характерны внимание к деталям архитектурного или скульптурного памятника, указание на материал, из которого он изготовлен, документально точное описание изображения и раскрытие символики сооружения.

В городе Джуннаре местный «хан» отнял у Никитина его единственное достояние — жеребца, которого купец привез из Ормуза для продажи в Индию, и дал четыре дня срока для принятия магометанской веры, обещая в противном случае наложить на него большой штраф. Избавление от домогательств хана Афанасий Никитин приписывает помощи Бога, которому он молился в канун Успенского поста, то есть он связывает это явление с чудом: «Таково осподарево чюдо на Спасовъ день» (8).

В «Хождении за три моря» автор передает местные легенды, в частности, приводит сюжеты из индийского эпоса «Махабхараты» и «Рамаяны»: «А обезьяны, то те живут в лесу. А у них есть князь обезьяньский, да ходит ратию своею. Да кто замает, а они ся жалуют князю своему, и оны, пришел на град, дворы разваляют и людей побьют. А рати их, сказывают, велми много, а язык у них есть свой» (9). Безличная форма «сказывают» в «Хождении» Никитина свидетельствует об устном источнике, о народных легендах и преданиях Индии, включенных в книгу русского путешественника. Скорее всего, Афанасий Никитин пересказывает отрывки из «Рамаяны», где один из героев — обезьяний царь Валин, во главе войска которого стоял сын бога ветра Вайю[16]. Две другие легенды, использованные Никитиным, связаны с образом птицы «гукук» (совы), способной, по поверьям древних индийцев, предсказывать человеку смерть, и образами пятнистых шакалов (мамонов), ворующих у людей мелкую живность.

В отличие от справочно-информативных очерков (путевой, военно-топографический, торгово-экономический и др.), где господствует документальный стиль, очерки религиозно-этнографического, автобиографического и т.п. типов основаны на художественно-изобразительном принципе воспроизведения действительности. В них ярко проявляется авторское начало, эмоциональная, правдолюбивая натура писателя, особенности его художественного видения мира. Другие первичные жанры, входящие в состав «Хождения»,

тяготеют либо к документальным, либо к лирическим формам повествования. К первой группе очерков близка **летописная статья**, ко второй — **молитва, чудо, легенда.**

Таким образом, жанровая структура «купеческого» хождения Афанасия Никитина оригинальна и существенно отличается от формы паломнического хождения. Основное различие заключается в преобладании светских (торгово-экономических, натурфилософских, нравоописательных, этнографических и т.п.) очерков над описаниями религиозных святынь Востока, урбанистическими зарисовками и экфрасисами, которые лежали в основе паломнических путевых записок.

Проблема композиции «Хождения за три моря» давно интересовала литературоведов. Решение этого вопроса было тесно связано с историей текста памятника, наличием «особых» фрагментов, отличавших друг от друга Летописный, Троицкий (Ермолинский) и Сухановский изводы произведения Никитина[17]. Специальную работу посвятил этой теме Н.С.Трубецкой[18]. Исследователь увидел в «Хождении за три моря» «поразительную симметрию и стройность композиционной схемы», что, без сомнения, верно, однако ученый понимал под композицией не строение памятника и внутреннее расположение его частей, а динамику повествования. В результате этого подхода его анализ свелся к изучению функционирования в тексте «отрезков спокойного изложения» и «динамических повествований». Данную концепцию композиции подверг справедливой критике Я.С.Лурье, заявив о «непоследовательности и неубедительности... схемы Н.С.Трубецкого»[19]. К сожалению, известный санкт-петербургский медиевист не предложил своего варианта композиции путевых записок тверского купца.

До сих пор не утратила своей научной ценности композиционная схема «Хождения за три моря», предложенная В.П.Адриановой-Перетц. В статье «Афанасий Никитин — путешественник-писатель» она указывала, что «содержание "Хождения" составляют три неравные по объему раздела: описание пути до Индии, главную часть которого составляет рассказ о том, как под Астраханью караван купцов был захвачен татарами (они "разграбили" русский товар, "а нас отпустили голими головами за море, а вверх нас не пропустили"); обстоятельное повествование о более чем двухлетнем пребывании в Индии, составляющее основную и важнейшую часть "Хождения"; очень краткое описание обратного пути, в котором также подробнее всего описано, как в Трапезунде Никитина обыскали, надеясь найти у него грамоты Узун-Хасана, и при этом "что мелочь добренная, и они выграбили все"»[19].

Точку зрения В.П.Адриановой-Перетц на трехчастное строение произведения Афанасия Никитина позднее поддержал известный специалист в области путевой литературы древности Н.И.Проко-

фьев. Ученый отмечал, что сама логика путешествия требует деления произведения на рассказ о пути к искомой цели, подробного ее описания и повествования о дороге домой. Хотя у Н.И. Прокофьева нет специальной работы, посвященной композиции «Хождения за три моря», его теоретические положения, касающиеся поэтики путевых записок, могут быть положены в основу при решении данной проблемы[21].

Книга Афанасия Никитина начинается со вступления, причем во всех изводах содержится два вступления. В Летописном изводе присутствует так называемое «историческое» вступление, где летописец объясняет причины включения этого текста в состав Софийской II летописи. Сухановский извод, входивший в «Хронограф», имеет другое введение в «Хождение за три моря», рассматривая произведение Никитина как памятник «всемирной истории»: «О индийском хожении. В та же лета некто именем Афонасей Никитин сынъ тверитинъ ходил с послы от великаго князя Московскаго Ивана и от великаго князя Михайла Борисовича Тверскаго и от владыки Тверскаго Генадия за море. И той тверитинъ Афонасей писал путь хожения своего сице» (32). Троицкий (Ермолинский) извод содержит краткое молитвословие: «За молитву святыхъ отецъ наших, Господи Иисусе Христе сыне Божий, помилуй мя, раба своего грешнаго Афонасья Никитина сына» (18). По мнению Лурье, принадлежность молитвы оригиналу вызывает сомнение[22]. Таким образом, первое вступление «Хождения» не может считаться авторским, его создание было связано с включением произведения в состав летописей и «Хронографа».

Второе вступление, с небольшими разночтениями присутствующее во всех списках, создано, без сомнения, Никитиным. В нем содержится рассказ о целях и задачах путешествия, благословении на «путное хождение», полученном у тверского епископа Геннадия (1461 — после 1485), о разрешении на отъезд «в бесермены», данном князем Михаилом Борисовичем (1461–1485) и воеводой боярином Борисом Захарьевичем Бороздиным: «Се написах свое грешное хожение за три моря: 1-е море Дербеньское, дориа Хвалится, 2-е море Индейское, дорея Гундустанскаа, 3-е море Черное, дориа Стебольская, Пондох от Спаса святаго Златоверхаго и съ его милостию, от государя своего от великаго князя Михаила Борисовича Тверскаго, и от владыкы Генадия Тверскаго и Бориса Захарьича» (5).

Основная часть «Хождения», как говорилось выше, распадается на три неравные части: рассказ о пути в Индию, описание «Гундустана», повествование о дороге домой. Первая часть охватывает путь от Твери до Ормуза (Гурмыза) и состоит из ряда путевых очерков, где дается краткая характеристика городов, посещенных купцом: Калязина, Костромы, Нижнего Новгорода, Дербента,

Баку, Ормуза. Сюда входит рассказ о бое с золотоордынцами в устье Волги, здесь же приводятся документы о переговорах с князем Кайтака Халил-беком по поводу освобождения из неволи русских купцов.

Описание «Гундустана» строится как цикл различного рода очерков, объединенных личностью повествователя. В отличие от описания пути к Индии, где доминируют путевые очерки, в этой части основу составляют очерки торгово-экономического, нравоописательного, этнографического, военно-топографического характера. Констатирующий принцип изложения материала сменяется описательным, художественно-изобразительным с элементами авторского комментария, истолкования неизвестных понятий. А в третьей части «Хождения» Никитин вновь возвращается к фактографической манере повествования, здесь начинает господствовать перечислительная интонация. Подобный способ изложения материала не был новым в русской путевой литературе, он встречался уже в «Хождении» игумена Даниила (начало XII в.).

По наблюдениям Н.С.Трубецкого, текст путевых записок «Афонасея Тверитина» членится на отрывки «лирическими отступлениями», которые лучше назвать автобиографическими очерками[23]. В целом эти наблюдения исследователя верны, хотя подобное композиционное решение произведения, на наш взгляд, не входило в творческую задачу писателя, а возникло стихийно, ибо все эти отрывки появляются во второй части «Хождения» и связаны с тоской по Родине. Автобиографические очерки имеют лирический характер, они замедляют повествование, эпическое по своей основе, являются важными для понимания идейно-художественной направленности произведения. По ним читатель знакомится с социальными, философскими, религиозными воззрениями русского путешественника-писателя. «А Русскую землю Бог да сохранит! Боже, храни ее! Господи, храни ее! На этом свете нет страны, подобной ей. Но почему князья земли Русской не живут друг с другом как братья?» (53) — рассуждает Афанасий Никитин, в дальнейшем выражая уверенность в том, что «устроится земля Русская». Подобных очерков в тексте «Хождения за три моря» немного, причем написаны они частично на русском, частично на тюркско-персидском языке, которым пользовались все азиатские купцы. Автобиографические очерки в «Хождении» существуют либо как самостоятельные части, либо выступают в роли лирических аккордов, завершающих информационно-повествовательные очерки. В сходной функции могут выступать в тексте памятника молитвословия и молитвы.

Завершает основную часть «Хождения за три моря» рассказ о пути на Русь. Начинается этот фрагмент со слов: «Аз, рабище Афонасей Бога вышняго... устремихся умом поитти на Русь» из города Дабхол, а кончается рассказом о прибытии в Кафу (Фео-

досию). Эта часть состоит в основном из серии путевых очерков, маринистических зарисовок о путешествии его по «Индийскому морю» и повествования об аресте Никитина в Трапезунде.

Заключения в Летописном и Троицком изводах «Хождения» идентичны, выполнены в форме мусульманской молитвы: «Милостию Божиею прошел я три моря. Остальное Бог знает, Бог покровитель ведает. Аминь! Во имя Господа милостивого, милосердного. Господь велик, Боже благий, Господи благий. Иисус дух Божий, мир тебе. Бог велик. Нет Бога, кроме Господа. Господь промыслитель. Хвала Господу, благодарение Богу всепобеждающему. Во имя Бога милостивого, милосердного. Он Бог, кроме которого нет Бога, знающий все тайное и явное. Он милостивый, милосердный. Он не имеет себе подобных. Нет Бога, кроме Господа. Он царь, святость, мир, хранитель, оценивающий добро и зло, всемогущий, исцеляющий, возвеличивающий, творец, создатель, изобразитель, он разрешитель грехов, каратель, разрешающий все затруднения, питающий, победоносный, всесведущий, карающий, исправляющий, сохраняющий, возвышающий, прощающий, низвергающий, всеслышащий, всевидящий, правый, справедливый, благий» (58). Молитва, написанная на тюркско-персидском купеческом наречии русскими буквами, состоит из двух частей: общего прославления Бога, взятого из 59 суры Корана, и перечня эпитетов Аллаха из мусульманской молитвы. Все паломнические путевые записки кончались благодарственной молитвой Богу после рассказа о возвращении путешественника на родину, поэтому текст молитвы в «Хождении за три моря», хотя и «омусульманенный», не нарушал жанровой традиции.

В Сухановском изводе памятника, списки которого относятся к середине XVII в., вместо молитвы читается хронографическая статья-справка: «Дозде о индийском хожении Афанасием Тверитином, и возвратимся на преднее» (42). Подобная редакторская правка произведения понятна, ибо в этот период церковь особенно пристально следит за чистотой православия, и в этих условиях введение во всемирную христианскую историю мусульманских текстов выглядело бы странно, противоречило бы духу времени.

Подведем итоги. Для русского читателя XV в. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина явилось в полном смысле слова «открытием Индии» в ее действительном, а не традиционно-сказочном облике. Произведение Никитина многогранно, почти энциклопедично по своему содержанию, и именно в той части, где идет описание Индии. Экономика и торговля, климат и природные ресурсы, феодальные войны и религиозная разобщенность людей, быт и нравы, ремесла и искусство — все эти сферы жизни индийского народа стали объектом изображения в книге тверского купца, свободной от канонов церковно-учительной и официальной светской

литературы и в литературном отношении представляющей собой явление глубоко оригинальное, намечающее новые пути развития жанра «хождения».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Прокофьев Н.И. Хождение: путешествие и литературный жанр // Книга хождения. М., 1984. С. 5—20.
[2] Текст «Хождения» цитируется по изданию: Хождение за три моря Афанасия Никитина / Подг. Я.С.Лурье, Л.С.Семенова. Л., 1986. Далее при цитировании страницы указываются в тексте статьи в скобках.
[3] См. подробнее: Травников С.Н. Путевые записки петровского времени. Поэтика жанра: Автореферат докторской диссертации. М., 1991.
[4] См.: Прокофьев Н.И. Русские хождения XII—XV веков... С. 50—52.
[5] См. подробнее: Семенов Л.С. Путешествие Афанасия Никитина. М., 1980. С. 98—109.
[6] См.: Семенов Л.С. Путешествие Афанасия Никитина.... С. 75—109.
[7] ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 470, 472.
[8] Токарев С.А. История русской этнографии. М., 1966. С. 40—43.
[9] См. подробнее: Прокофьев Н.И. Предисловие // Хождение за три моря Афанасия Никитина: 1466—1472. М., 1980. С. 8—14.
[10] См.: История русской экономической мысли. М., 1955. Т. 1. С. 92—99.
[11] Книга глаголемая Козмы Индикоплова. СПб., 1886. С. 228.
[12] См., например: Райнов Т. Наука в России XI—XVII вв. М.—Л., 1940. С. 206.
[13] Трубецкой Н.С. Хожение Афанасия Никитина как литературный памятник // Семиотика / под ред. Ю.С.Степанова. М., 1983. С. 440—441.
[14] См. подробнее: Лихачев Д.С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.—Л., 1954. С. 319—346.
[15] См.: Белоброва О.А. Статуя византийского императора Юстиниана в древнерусских письменных источниках и иконографии // Византийский временник, т. XVII. М., 1960. С. 114—123.
[16] См.: Махабхарата. Рамаяна. М., 1974.
[17] См.: Лурье Я.С. Археологический обзор // Хожение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 108—124.
[18] См. его ст.: Хожение Афанасия Никитина как литературный памятник // Семиотика. М., 1983. С. 435—461.
[19] Лурье Я.С. Таблица композиции «Хожения за три моря» // Хожение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 129—133.
[20] Хожение за три моря Афанасия Никитина. М.—Л., 1958. С. 101—102.
[21] См.: Прокофьев Н.И. Древнерусские хождения XII—XV вв. (Проблема жанра и стиля): Автореферат докторской диссертации. М., 1970.
[22] См.: Лурье Я.С. Таблица композиции «Хожения за три моря» // Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 132.
[23] См.: Трубецкой Н.С. Хожение Афанасия Никитина как литературный памятник... С. 440—446.